

Мария Ясинская
(Москва)

**Образ иноэтнического
и иноконфессионального соседа
в нарративах жителей бывшего местечка
Бешенковичи***

До Второй мировой войны Бешенковичи представляли собой полиэтническое и поликонфессиональное пространство, в котором бок о бок жили и контактировали представители различных национальностей и разного вероисповедания: евреи (иудеи) и славяне, в основном белорусы, среди которых были православные, католики, старообрядцы, баптисты и др. Доля еврейского населения составляла около 50%, в настоящее время евреев практически не осталось¹, значительная часть была убита немцами в Великую Отечественную войну, лишь некоторым удалось бежать или спрятаться. В памяти старожилов до сих пор сохраняются рассказы о массовом расстреле евреев на Стрелке (часть Бешенковичей, расположенная за Двиной), а также воспоминания о том, как белорусы прятали евреев: некоторым из них удалось выжить, других выдали боявшиеся расправы соседи. Сегодня потомки евреев, некогда живших в Бешенковичах, проживают в Израиле, Витебске, Санкт-Петербурге и других городах и странах, в Бешенковичах остались лишь единицы. Также не сохранилось и старообрядческих общин, которые в прошлом компактно проживали в окрестностях Бешенковичей, например старообрядче-

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-04-00101 «Образ человека в языке и культуре славян».

¹ Аналогичная ситуация наблюдается и в других бывших белорусских местечках, исследованных в ходе экспедиций центра славяно-иудаики Института славяноведения РАН и центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», см.: Желудок 2013; Лепель 2016; Глубокое 2017.

скими деревнями, по свидетельству наших информантов, считались Польковичи и Засорье.

Современное население Бешенковичей и ближайшей округи – это в основном православные белорусы (реже встречаются католики), однако память об иноэтнических и иноконфессиональных соседях до сих пор жива в их рассказах. Как и в других бывших еврейских местечках, где еврейское соседство было утрачено, эти рассказы остаются единственным живым свидетельством былой этноконфессиональной пестроты региона, они представляют собой «взгляд извне» на еврейскую традицию [Белова 2015а, 261]. Большинство информантов, с которыми удалось побеседовать в ходе школы-экспедиции, организованной центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН и центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» в августе 2016 г., были православными; единственная информантка католического вероисповедания оказалась не местной, она переехала в Бешенковичи 17 лет назад из Докшицкого района Витебской области (этот район относится к западной части Витебской области, входившей в состав Польши). Встретились также информанты, родители которых были старообрядцами, но сами они уже не придерживаются «старой веры» (Бешенковичи, д. Польковичи). Исходя из этих данных, за точку отсчета («свое») была выбрана точка зрения православных белорусов, для которых своей верой является православие, а все остальные конфессии воспринимаются как «чужое», отличающееся от «своего» в той или иной степени. Другие точки зрения будут рассматриваться в качестве дополнения (например, точка зрения католички из Западной Белоруссии и точка зрения выходцев из старообрядческих семей). Стоит отметить, что в нарративах информантов часто бывает трудно разграничить конфессиональный, национальный и географический аспекты: национальный может объединяться с конфессиональным (еврей / иудей) – говоря об образе иноверца, невозможно не учитывать того, что часто речь идет также и об инородце, а конфессиональный аспект часто сопряжен с географическим (католик / Западная Белоруссия).

Иудеи / евреи. Евреи представляют собой наиболее сильную «иноверческую» доминанту в данном регионе, они противопостав-

лены христианскому населению как по признаку конфессии, так и по признаку национальности. Несмотря на это, многие белорусские информанты на вопросы о евреях отвечали неохотно («Не знаю я пра яўрэеў, я нічаўо не знаю, не знаю... Ва-пёрвых я дўжа ня лэзу, де так, де не так...») (ДВМ, жен., 1933 г.р., Бешенковичи), некоторых вообще удивлял интерес исследователей к «еврейской» теме, они не могли понять, для чего их спрашивают о евреях, являются ли сами исследователи евреями или вопросы вызваны желанием обвинить их в антисемитизме. Некоторые говорили, что ничего не могут рассказать о евреях, об их вере и обычаях. Очевидно, в результате утраты соседства с евреями память о них в значительной степени стерлась: практически ничего информанты не помнят о еврейских праздниках, обычаях, несколько полнее представлены воспоминания о еврейских похоронных традициях и пищевых предпочтениях. В рассказах о евреях сочетаются как реальные воспоминания, так и стереотипные представления, свойственные рассказам об инородцах, когда «на всех уровнях мифологизация образа “чужого” сочетается с “бытовым” знанием о соседях, основанным на повседневном общении, но при этом “мифологический” аспект остается безусловно преобладающим» [Белова 2005, 12].

Для номинации еврея используются лексемы *яўрэй* и *жыд*. Этноним *жыд* (ж.р. *жыдоўка*), по утверждению одного из информантов, это «по-деревенски», как «привыкли в деревне», его употребление поддерживается в том числе и фольклорными текстами:

А ў сабóри на прэстóли / Христос васкрес Сын Божый / Прячыста
Мать ўóрька пла́чыць / Христос васкрес Сын Божый / А як жэ мне не
плакать, / Христос васкрес Сын Божый, / маеўо Сýна жыды украли, / на
хрест Яўó распина́ли, / Христ... / ўвазьджа́ми рúчки прибыва́ли (ГСР,
жен., 1927 г.р., Соржица).

Этноним *жыд* широко употребляется информантами как в пейоративных («Жыд же ён ня бóдеть работать, ўде вы видели?!») (ГСР, жен., 1927 г.р., Соржица), так и в нейтральных контекстах: «Ну там жыды́, там жыды́, яны́ к жыда́м и паéхали, к яўрэ́ям» (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи); «Жыды́ ёли курятину, сьвяни́ну не ели» (ГСР, жен., 1927 г.р., Соржица), наряду с этнонимом *яўрэй*: «Были́ и жыды́, яўрэ́и были́» (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи). Будучи

первоначально нейтральным, этноним *жыд* в советские годы оказался под запретом, что было неоднозначно воспринято белорусским населением, в результате чего возникли анекдоты, один из которых был нам рассказан:

Стаит мужык на вагзале, долґа стаит, а милицыанер ходит и патом падходит: «А што ты тут дзелаеш?» Мужик: «Да, – ўрит, – поезд падзяўрэываю»... Ну паджыдаю поезд... Ну нельзя была, если скажэш жыд, тебя маўли мўнавенна и надоўґа... (АВХ, муж., 1947 г.р., Бешенковичи).

Хотя информанты автоматически используют данный этноним в речи, в настоящее время он часто оценивается как бранное слово:

[С: А вот было такое, что евреев, например, как-то обзывали?]

И: Жыды́ (НИВ, жен., 1935 г.р., Бешенковичи)²;

[С1: Як часцей кажуть, яўрэи ти жиды? А то Вы и так и так]

И: Ааа, яўрэи, жыды́ это ужо ўсё як я брашу́ на их «жыд, жыд ты»!

Но яўрэ́й палаґаецца.

[С2: Это обидно?]

И: Аґа, так жыд, это ўсё як я тебё ненавиджу, не люблю (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

На вопрос, чем отличаются оба названия, один из информантов рассказал, что он слышал от самих евреев, что среди них есть определенная иерархия:

А яны́ ўсё хвалилися, между жыда́ми есь жыды́ и яўрэи, и шшыта́лися вы́шшым кл́асам яўрэи, а нй́шшый клас яўрэеў – жыд (ВИД, муж., 1925 г.р., Улла).

Причем, по его словам, само слово *жыд* означает «Христос воскрес», именно по этой причине оно воспринимается евреями как оскорбительное, а его воспроизведение свидетельствует об «антисемитизме» говорящего:

И: Ну если вы чули такая слова – антисемитизм?.. Страшное дело, если ты неправильна назавёшь... в школе Боже упаси нельзя вот сказать «жид», понимаете?.. Самая злая слова скажу: «жид парх»...

² Буквой С обозначен «собиратель» (если собирателей несколько, даются цифры: С1, С2...), И – «информант».

[С: А что значит слово «жид»?]

И: Христос воскрес. Это происхождение такое, и русские употребляют (ВИД, муж., 1925 г.р., Улла).

О еврейской вере белорусы знают крайне мало, известно только то, что они не верят в Христа:

Ну яўрэи, як вам сказаць, яны ат нашэй веры аткланіліся. Яны Хрыстú ня веруць. А мы Хрыстú ж верым, а мы ж беларусы верым Хрыстú... А Боў их ведаіць, каму яны веруць... (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

Также практически ничего не известно жителям Бешенковичей и о еврейских праздниках, иногда они даже путают их с мусульманскими:

[С: А праздники у них свои тоже?]

И: Навэрна, эта у них Рамадан ти штó... (НИВ, жен., 1935 г.р., Бешенковичи).

Единственный еврейский праздник, о котором сообщали все без исключения информанты, это Пасха (она сохранилась в памяти благодаря постоянному сравнению и противопоставлению с Пасхой христианской):

Ну яны крómе Пáски, яны я не знаю эта ти атмечáли аны, у нас же ж ўсякя ж прáзнікі и там, и Микóла, и Усьпéния Баўарóдицы во, дивитнáцатага аўууста бúдэць Испáс у нáс, плады бúдэць асьвишчáць (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

Еврейская Пасха противопоставляется Пасхе христианской: по утверждению информантов, она празднуется за неделю до православной (часто одновременно с католической); на этот день, согласно поверьям, приходится плохая погода, идет дождь:

Илі ўавóраць, што яўрэ́йская Пáсха ўсеуда паўóда плаха́я, там дажд́і, плаха́я... а ужэ на нáша бывáець харóшая... (ДВМ, жен., 1933 г.р., Бешенковичи).

Отмечаются и отличия в обрядовой пище евреев и православных:

У нас яёчки красюць скарэй и пасвицаём нясём тады, на всёношную ж идём, пасвицаём, тут мы ужо тады и яны дэти там светюць прыносюць яёчки, яёчка пасвяцонае, сольки, хлёпца, ўсё эта пасвицаём. Ну а яны... яны мусить ни пасвицаюць, яны этауа ня веруть (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

Все информанты вспоминают, что евреи пекли на Пасху мацу, которой старались угостить христиан: «Но але яна любила бувала, каб їхнай мацой разуавэлися» (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи). Однако христиане опасались ее пробовать, так как им была известна легенда о том, что в еврейской маце должна присутствовать христианская кровь (впрочем, в настоящее время информанты относятся к ней скептически, о чем свидетельствуют оговорки типа «я ж ня ведаю», «дак эта може сплетни», а также смех, сопровождающий реплики).

Вот уаворуть, што їхная... їхная маца пал-... далжна быть з нашэй кроўю. Кроўю, ага. А чи эта праўда, чи ни, я ж ня ведаю (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

И: Ну а хто их там знаёт, мацу робыли, эли...

[С1: А что за маца?]

И: Ну я не знаю, с чёво ана робицца, такие тоненькая, як бумажка...

[С1: А с чаго яна?]

И: Ну, не знаю. Не знаю, ничога не знаю.

[С2: А не говорили, что кровь добавляли какую-то?]

И: (смеется) Ну уаварыли!

[С1: А де кроў брали, якую кроў?]

И: Мажэ малога уде паймають якога... Аа, дак эта може сплетни! (НИВ, жен., 1935 г.р., Бешенковичи).

Другие собеседники сообщали, что для приготовления мацы использовали баранью кровь (АВХ, муж., 1947 г.р., Бешенковичи). Одна из информанток мотивировала свой отказ есть мацу тем, что ей показалось неправильным разговляться до православной Пасхи, к тому же «чужой» обрядовой пищей:

Яны любюць уошчаць, ина бывала ей прывязуць этай матке... бабе суды, а таких... нясоленье саш-... блины, и ана и рада ууастить, и прынясьць, ну я думаю, як я ишчо сваей не разуавэлася, а їхнай буду паскай разувляцца? Я дужо не интересувалася брать їхную (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

Столь же мифологизированным является представление о «еврейском запахе» – специфическом запахе, по которому можно отличить еврея от белоруса [Белова 2005, 58–61]. В рассказах о еврейском запахе мифическое органично сочетается с историческим: чаще всего мотив запаха возникает в нарративах о том, как немцы во время войны определяли, кто еврей, а кто нет:

И: Былі ў вайну́ яўрэі, йіх стрелялі нёмцы, яны́ йіх нюхалі...

[С1: Нюхалі?]

И: Нюхалі ў пагыліцы...

[С1: А они пахли как-то?]

И: Во чорненькая ты, и оны́ тады́ нюхаюць ў пагыліцы, и сечас за руку, ўбб́к, вот. Вот.

[С2: И многа их так пастреляли?]

И: Ну, скóлькі у нас тут было́, дак йіх жэ ўсіх уништажа́лі, ў Витебску ш йіх было́ мно́га. И яны́ ж йіх уништажа́лі... (ГСП, жен., 1927 г.р., Соржица).

Более полно представлены воспоминания о похоронных обычаях евреев. Информанты отмечали такую особенность похорон евреев, как отсутствие гроба, присутствие на похоронах только родных покойного, способ опускания тела в могилу:

У хати паляжыць... шылі спеціальную... ну мяшок такій есьлі, или сянник як па-беларуску, ячо ў сянник, на калёсы паложуць и ззади иду́т тока родственики, а астальныя яўрэі не хадили так уурб́ой, як у руских, чем большэ, тем большэ... падб́йдуть к яме, вот самый здаровый мяшок э́тат вóзьметь, станеть задом, э́та я видел, задам станеть, мяшок далой – он туды палятел... яўрэі кидали, а старажили ўсе э́та памятникі, каторыя там ставили после смерти, был спеціальна нанят чэлавец (ВИД, муж., 1925 г.р., Улла).

Когда память о еврейских обычаях стирается и остаются лишь фрагменты воспоминаний (например, воспоминание об обычае хоронить покойника без гроба), информанты на вопрос о еврейских похоронах могут рассказывать о похоронах других иноверцев – мусульман³:

³ См. об этом: Белова 2015б, 103, 105; Белова 2017, 211–213.

Я вот ня видила, вот так. Тада татáрачку харанили ў Дóкшыцх, я хадила ўлядэ́ть на кладби́шча, дак там яны́ скамейку зрóбили у ей у яме там, пасадили, окрутили прóстыню ўсю и та[ды] нача́ли даска́ми закрыва́ть, сяди́ там. Уж лучшэ́ ж, праўда, чем лежа́ть?! (НИВ, жен., 1935 г.р., Бешенковичи).

В целом в представлениях белорусов сохраняется положительный образ соседа-еврея: они не ругаются с женами и не пьют:

Яны́ ни руу́аюцца нико́ль з му- жóнками. Праўда? Нико́ли не руу́аюцца яны́. Так что жыды́ хитрые, но яны́... яны́ не злые, яны́ никауда́ не уни́зют никаво́, вóт што (НИВ, жен., 1935 г.р., Бешенковичи).

В качестве негативных черт евреев называлась хитрость и нежелание работать, «евреи никогда не работали на земле», а в основном промышляли торговлей. Впрочем, данный стереотип существует в сознании и часто не подтверждается реальными рассказами, в которых фигурируют трудолюбивые евреи.

Православные / староверы (москали) – католики (поляки).

С точки зрения православного белоруса иноверцами являются не только евреи, но и христиане других конфессий: католики, старообрядцы. Они отличаются только по конфессиональному признаку, совпадая по национальному. В сознании старшего поколения отсутствует оппозиция «белорус – русский»: противопоставляя себя евреям, информанты часто говорят, что они «белорусские» или «русские». По мнению информантов, вера дается человеку от рождения и менять ее нельзя:

Менé як радзи́лася, пераксьти́лася ма́тка у гэты́ вэ́ры, так я и ду́маю ужó и памира́ть же у гэты́ вэ́ры. Если адна́ вэ́ра тебя пераксти́ли, ма́ленькую пераксти́ли ў гэту́ вэ́ру, и ты саблюдáй гэту́ вэ́ру, саблюдáй. Тепéр, тепéр дужо ш мно́га вэ́ры, хто сабе́ павыдумали, а гэта ж нельзя́, а гэта ж нельзя́ так. Если адна́ вэ́ра тебя пераксти́ли, ма́ленькую пераксти́ли ў гэту́ вэ́ру, и ты саблюдáй гэту́ вэ́ру, саблюдáй... П'равасла́ўная, я правасла́ўная, я и радзи́лася я и хачу́ памэ́рць ў правасла́ўнай, милая, вэ́ры, я бо́льше ния́кия ня хачу́ вэ́ры, ния́кия ня хачу́... (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

Набожность высоко ценится, становясь положительным признаком целой деревни: «Ну у нас вэ́рили Бо́гу, у нас Бо́гу вэ́рили! Дру́жная была́ дерэ́ўня, дру́жная!» (ГСР, жен., 1927 г.р., Соржица).

Как и евреи, староверы в настоящее время остались только в воспоминаниях жителей, среди наших информантов встретилось лишь двое выходцев из старообрядческих семей (сами они уже себя не причисляют к старообрядцам, поэтому их точка зрения также не является взглядом «изнутри»). Старообрядцев называют *москали*: «Ну там ёсь не́кия маскалі, я не знаю там, яны ужэ то́жа папамёрли ужэ ўсе» (ДВМ, жен., 1933 г.р., Бешенковичи).

Рассказывая о старообрядцах, информанты отмечают такие признаки, как набожность, а также особенности конфессионального быта: отсутствие икон, наличие закрытых божниц. Существенным аспектом, на который указывают практически все наши собеседники, являются отличия в похоронном обряде: расположение покойника в доме, саван вместо обычной одежды, особенности конструкции крестов на могилах, обычай устраивать поминки на Троицу, тогда как православные белорусы ходят на кладбище на Радуницу (второй вторник после Пасхи):

Ну у их друу́я ве́ра. У йих йиконо́ў не было. У их бажніцы. Бажніцы такіе, закрытыі, і вот як па-... я хадила на Ўзрэ́чце быў... маска́ль жыў. Як памрэ́ць у іх, тады яны не ўалаво́й у кут, а вот та́к ле стяны́ на скаме́йку наўа́мі, і та́кіі саўн, шыю́ць аны́ маскалі́ саўн, у нас же жь, ну надэ́нуть акура́тно, па́ложуць ти ў гроб, ти та́к, і ўсе́ ш чалаве́ка вида́ць, а у йих саўн та́кі, ў саўн у то́й ўсяго́ чалаве́ка, шыю́ць, у их дру-, у их ну па-друо́му (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

По свидетельству одной из информанток, ее мать перешла из старообрядчества в никонианство, так как не хотела, чтобы ее похоронили в саване. При этом она сообщила, что для того, чтобы перейти в никонианство, ей нужно было «докреститься», так как старообрядческий обряд крещения неполный.

Однако основным мотивом, который присутствовал в нарративах о староверах, был мотив «поганой кружки», восходящий к старообрядческим запретам есть из одной посуды с людьми других конфессий, чтобы не «оскверниться». Причем данный запрет трансформировался в стереотип о том, что старообрядцы держали на случай прихода посторонних особую «поганую кружку», то есть очень грязную, старую и внешне непривлекательную, из которой они поили гостей; или же что они вообще не давали чужакам ни пить, ни

есть. В восприятии современных православных белорусов этот факт оценивается как показатель их заносчивости и негостеприимства:

Мóжа... Мóжа што дўжа такіе, казáli што ёсli папiць вады папра-
сiць, дак не дадўць и кру́жку, ўту патóm навёрна ня хóчуть сáми пiць,
ой, а у нас йix нет (НИВ, жен., 1935 г.р., Бешенковичи);

Ну маскалi, анi былi старавэры. Янi сiльна Бóуу вэрили, и янi
былi, вот мы беларўсы, анi нас звáли «кацапы», а мы йix «маскалi». А...
маскаль, вот примёрна папрасi вады папiць, беларус, во этый во
кацап, этый дайэть, а янi с паўанай кру́жки, нас шшытáли паўанymi,
патамушто... Ё кáждый хáте была такáя кру́жка мэдная, и ў вайнóу же нас
тут выселяли, нэмцы нáшы хáты пазабрáли, а нас туды выселяли, и нас
ўсялили туды к тем же сáмым маскалам, а янá ўаварыть: «Пастáў
паўанóу кру́жку!» Звáлась «паўаная кру́жка» эта для нас, для беларусóу,
а янi нас звáли кацапы, чаўó не знáю. Вот. Ну мы там у йix жылi, ну
трóху ў вайнóу, дак янi нас паўанymi звáли и с аднаўó кателкá анi не
ель-, а як мы тутá былi плéнники ж былi ўси, дялили крóшэчку ти
бўльбину, ти сашóньку из мякины испéченной дялили с плéнниками, як
утекали плéнники эты, и мы не шшытáли, што эта паўанyi ти штó...
(ГФР, жен., 1927 г.р., Соржица).

Информанты – выходцы из старообрядческих семей – также вспоминают об особой посуде для тех, кто не принадлежал к общине, однако они рассказывают об этом, как о давно минувшем факте, о котором они слышали от стариков:

У нас ўсё мóжна было, этак пры старынушке, так старыи былi стары-
рыки, и гаворыте, не ядуть, пóмню, батька расказывал, што с аднóй
кру́жки не дадуть пiть [смех], есть вот как вы эта, аддэльна, есli што
памагають дэлаць, аддэльна ужó (ЗАС, жен., 1927 г.р., Польковичи).

Разумеется, в их рассказах акценты расставлены иначе: мотив «поганой кружки» отсутствует, также вполне логично отсутствие оценочного компонента и сравнения с белорусами-никонианами, обязательно присутствующего в нарративах православных белорусов, воспринимающих староверов «со стороны».

Католики в Бешенковичах живут бок о бок с православными, в речи информантов они устойчиво называются *поляками*, хотя они

не имеют ничего общего с этническими поляками, православные при этом именуются *белорусами* или *русскими*:

[С: А так и называли «католики» или как-то по-другому их называли?]

И: Паля́ки. Паля́ки (АФР, жен., 1929 г.р., Бешенковичи).

Отношение православных к католикам в основном нейтральное или положительное, они ничего не знают о богословских различиях между конфессиями и отмечают только внешнюю сторону; например, они положительно оценивают то, что в костеле есть лавки и можно сидеть во время богослужения: «Нее, ну ката-... у них свая́ цёркаў, у нас свая́. Я пра́вда... на́ши некато́рыя хадили там, харашо́, сидзя́» (ДВМ, жен., 1933 г.р., Бешенковичи). При этом православные точно не знают, закончен ли ремонт в костеле в современных Бешенковичах, что свидетельствует о низком интересе и отсутствии тесных контактов с соседями-католиками.

Браки между католиками и православными, между старообрядцами и никонианами, между евреями и неевреями случались, но главное было остаться в своей вере:

Яна́ ишла́ за яґо за́муж и венча́лись ў цэркви, но ана́ аста́лась на сваёй ве́ры, не ізмянила. Во! Заядлая была! (НИВ, жен., 1935 г.р., Бешенковичи)⁴.

Относительно вероисповедания детей родители в смешанных браках договаривались. В целом, несмотря на конфессиональную пестроту, сосуществование бок о бок представителей различных конфессий оценивалось как мирное и практически бесконфликтное.

Западная Белоруссия – Восточная Белоруссия (католики – православные). Особый случай представляет судьба одной из наших собеседниц; НИВ (1935 г.р.) переехала в Бешенковичи из Докшицкого района Витебской области. Она является католичкой и по этому признаку противопоставлена православному населению Бешенковичей; казалось бы, она должна была влиться в католическую общину, однако этого не произошло: местные католики не воспри-

⁴ Мать информантки – католичка, вышла замуж за православного.

нимаются ею как свои. Информантка не поддерживает с ними контакта, а о строящемся в Бешенковичах костеле рассказывает, что его не закончат ремонтировать, потому что воруют: «И тут жэ во пастáвили, дак ишчэ да-... не кóнчать нияк рэмóнт, там шо-та пакра́ли, ы́гы, хóдить хтó-та». В ее рассказах устойчиво противопоставляются «там» и «здесь», «та» и «здешняя» вера, люди, время (прошлое и настоящее) и даже язык. С особым чувством НИВ описывает костел в Докшицах, противопоставляя его костелу в Бешенковичах:

Касьтёл на месьце пастáвили, я как-та ёздыла на рóдину, дак мы с сястро́й схадили ў цэркаў, ў касьтёл. Я думала, ну там пастайм ў парóзе незамётна мейшчаса и пойдем, а там насто́ка прывётливы! А якия ласкавые! «Усюда, сюда идите!» – ўтарáя заву́т, пасадили нас, на ўтарóm раду́. Вот. И там так красива мо́люцца на белару́скэм языке ўтрам, а вэ́чэрам с адинацати патóм па польску. Ну вот, такóя палатно́ на стянé, написана, я паку́ль прачытаю пол куплэ́та, ани́ ужэ сьпéли ўсэ. А, Бо́жэ мой! Тады хади́ў с карзиначкай уро́шы сабира́еть, я так йих палюби́ла, што и тышчу палажи́ла, и не жа́лка да́жа ничу́т, а тут ня бо́льна бывáла. Ау́а, эта я...

Здесь, в Бешенковичах, с точки зрения НИВ, всюду пустота, непонимание:

С кем бы вы пауавары́ли – пустые дама́, тут пу́ста, там пу́ста... Нихто́ никóуа не спрóсить, нихто́ ничо́, нихто́ никóуа не хóчеть уавары́ть! Пу́ста как паумира́ли ўсе ўлицы, Бо́жэ мой, што рóбицца!.. Иду́т, иду́т люди, нихто́ не зауаворы́ть са мной, нихто́ ничо́.

Среди соседей царит грубость нравов и жестокость:

Вот та́м во живэ́ть бе́дный то́жэ, дачка́ бьэть яуó... Дык я, я дужа здесь скучáла, никуда́ ня выйдеш, никуда́, пу́ста ўсюду! Бо́жэчка мой!..

НИВ испытывает дефицит общения, никто не приглашает ее в гости:

Ну я... нихто́ не прыулаша́е ва-пéрвых, патóм з разуавóра я по́няла, што им ня бо́льна нужны хтó-та, пастарóнный на пасидёлки пустыя... Я б люби́ла, каб хто прыхади́ў ка́да пасядэ́ть, а так ляуу увóсемь и

папробуй атлёжать стока часоў да утра, а ня спіцца саўсём! Ой-ё-эй!
Думаю, скарэй ба павіднела! Божэ, а можа што зьменицца сягодня?

Общение удалось наладить только с одной соседкой, да и та, по
мнению НИВ, сумасшедшая:

Тут вот я хацела дэльшэ-дэльшэ, тут недалёка дом, жывёт Жэнька
такая, нешчасная навіерна или... не знаю. Ну дак я ўсё скажу, паслухаю,
у ея ўсё крадуць. Ўсё! Ну дак да шевó дашло, што сена на шэрдак, насу-
шыла сена, сена украли. Ну тут ужэ тяжка павэрыш, ніхто... на миня
тут ўаворать, не хади, ска[ж]эт, и ты такая... [смех] Ну дык вóт.
Паслухаю, паслухаю ўсё, плачэць, пазаўчора я схадила кажысь, штó,
ўаварю, случылась апяць? Ўся ў слизах... «Сабаку забили маяго». «Эта
хóчэцца інаудá кап тóя с табой бесэдавали, што ты дужа... душа што
жэлаить, праўда? Тады будеть душэўны óддых, а у нас ну прыхóдицца
навіерна тяжка ужэ, ну я прыду, ну пра сабаку паўаворыть и пра катá яна
мне паўаворыть, ну и ой, я ничё не палучыла, иду назад, ўóспади!»

[С: А кто крадет-то у нее?]

И: Племянник, ана сказа́ла. Ана не пайма́ла яво ни ра́зу. Кажэть на
чэрдаке сядить. Як я выйду куда-нить, зла́зиить и варóчаеьт и ўсё, а у яй
жэ ничо́га нет! Ну дак вот... а патом ён, он де́нех не найдет никак, ну
дак ён абóи во так рэжэть на сть-..., думаеьт, за абóи мо́жэть спра́тана.
Ну ведь я хачу успако́бить чалаве́ка, не дра́знить, не-... а рас сказа́ла,
кажу, мо́жа табé кажэцца, дак яна́ крычыть «иди дамо́ў!» на меня [смех].
Пашла́ я дамо́ў и не- и не растрóбилась, думаю, з буду збыла́.

НИВ жалуется, что в последнее время в Бешенковичах развелось
много змей, этот факт она объясняет тем, что люди много грешат,
люди не ходят в церковь:

И: А эта веть штó значыть? Не знаю. Пэ́рвыя ж ўо́ды не было никада́,
зме́и – эта їхный дом ў ле́сы, ў ле́си. Да́к я аткрываю́ дьверь и ўляжу́
падо́л, каб не уступить, на крыльцо́ ужэ падняла́ся ужэ...

[С: А почему они приходят?]

И: Ну што ўрэшникаў мно́га тут.

[С: Да?]

И: Тут ўрэшникаў дужэ мно́га, вот што.

[С: В церкву не ходят?]

И: Ну, ма́ла хто хóдить, а у нас За́падная Белару́сь ужэ шчыта́ецца
До́кшыцкий раён, там и цэркаў поўная и вапшчэ усё друго́я, ашчу́тила я
о́чэнь, як на панижэ́ние пашла́ ўсё раўно́ [смеется], пры́ехала нашла́ куды.

По словам НИВ, она бы никому не советовала переезжать из своего привычного места, на наши вопросы о старине и обычаях она ответила, что больше бы помнила, если бы жила в своей среде, на одном месте.

[С: А вы говорите, у вас не так, а чем у вас не так, откуда Вы приехали?]

И: Ну эта ж Западная Беларусь у нас там.

[С: А чем отличается от Восточной?]

И: Там культурнейшие люди саўсём.

Неприветливые и не идущие на контакт соседи противопоставляются животным; когда во время беседы подходит бродячая собака, НИВ замечает: «Саба́ку лúчшэ́ чем чела́ве́ка прыучы́ць, Бо́жэ мой!» С другой стороны, она сетует, что ее соседка больше жалеет убитую собаку, чем человека:

Инада́ я ляжу́-ляжу́, ну падняла́ся цепе́р, дúмаю, ти мо́жэ уж дажда нет, ти мо́жэ прайдú да сваёй падрúуи. Какáя там падрúуа! Ну вот как паня́ть, ба́ба пла́чэць па саба́ку! Шчо саба́ку забилi. А? Ти пра́вильна эта? И ка́жэць: «Ён меня спаса́ў, а я яро́ не спаса́ла!»

Детские воспоминания в сознании НИВ идеализируются:

Касьтёл быў ў До́кшыцах, зуарэ́ў ў вайну́. Я по́мню як вадила мяне́, шчэ́ ўадо́ў шэсть мне было́, касьтёл, бе́ленька пла́тьице, и там на́да кром цэ́ркви была хадить, кром касьтёла. И падашли каб ха-... цветóчки браса́ть на даро́шку, як идéть кщэ́нс.

Идеализируется также польский язык, на котором в Западной Белоруссии проводились богослужения: «Мно́го чё не интереса́лася, но патóм ўспамина́ю, як аны́ ўаварыли разу́мна! <...> Панэ́нка – ёсьли де́ўка, замúжня пáни...», – по мнению НИВ, в нем все устроено «разумно»; НИВ призналась, что хотела выучить молитву «Отче наш» по-польски, но у нее «не хватает мужества». Идеализируются люди, которых НИВ встречала у себя на родине:

Там пан Высо́цки. Пан, мужык як. Семья́ така́я ваааажная и кругóм лес, така́я... ну писа́ть кни́уи то́ка пра таких людéй!

Особой теплотой проникнуты все воспоминания, связанные с родиной и прошлым; например, НИВ вспоминает о платье, которое ей шила мать, лоскуток от которого она долго хранила в молитвеннике:

Ох, пóсля вайны як бédна былі. Сказали, дé-та ў дярэўне ситец прадаéцца, як мы шли мнóга кілóметры с сястрóй шли купили сабé на плáтья, дялóў стóка! Пашыла мама и да Пáсхи не даéт надéть! Як мы эту Пáсху ждали! Бóжэ-Бóжэ! Ну вот. Ўсé пómница! Я любила дáжэ кусóчэк ат плáтья у книжце схранить.

Случай с НИВ наглядно демонстрирует, что для носителя традиционного сознания противопоставление «свое – чужое» актуально не только и не столько в конфессиональной сфере. Она не разделяет веру, ритуал, быт, взаимоотношения между людьми, в ее нарративе органично переплетаются все перечисленные составляющие, к которым добавляется также мотив тоски по прекрасному прошлому, отдаленному как по времени, так и географически.

Кроме рассмотренных выше конфессий встречаются также и другие – **баптисты**, **Свидетели Иеговы** и пр. Если баптисты жили в исследуемом регионе и в прошлом и информанты вспоминают о них нейтрально, то Свидетели Иеговы однозначно воспринимаются как представители чужих и опасных конфессий («яўовы, у йих бох йоуа»). В качестве одной из основных конфликтных точек упоминается отсутствие у них запрета работать по большим праздникам:

Ана́ там капа́ла... «ну эта Йóуа боу у нас»... А я ўэво: «А ма́тка ш у тебя ста́рая, не Пáска у еé?» «Ну эта у еé, а у меня па-дру́о́му»... Ну якiй-та Боу йóуа? Ну якiй? А што йета яна́ придумала? Ну я ей дака́зывать ня б́уду, я ш сама́ не зна́ю (ГСР, жен., 1927 г.р., Соржица).

Другой конфликтной точкой выступает поведение родственников покойного на похоронах. Если у православных белорусов принято оплакивать покойного, то у Свидетелей Иеговы это запрещено, напротив, следует радоваться, что человек, покинув земную жизнь, встретился с Богом:

И: А яны теперъ придумывають – йоуи! Якяя йоуи?! Я скольки жыву, мне девяноста годоу, ну хто йоуау да сённяя знау?! А затуманивають людям вочы американцы и у маеуо зятя сёстры харанили матку прошлый год, за мной приехали, ну мая ж дачка йим невестка, приехала ужэ ейна залоука и зь ей на машине: «Тётя Галья, хаді! Маму будем харанить». Я не рада, што я там пабыла. Як я йета усё выдержала. К матке падхадить нельзя!

[С: К покойнице?]

И: К покойницы, прашацца нельзя, плакать нельзя...

[С: А почему же?]

И: Ну я хатела сказать: «Ну дак пейца Катюшу!» Як йета я памру, а мая дачка не запла... яны слёзы сами пабяууць, во. А яны не плакали, йим настольки удзяубили ў йихных мазуи, што йета не нада плакать, што йета урех, што яна сваё атмучылася, што йета ей нада ужэ спакойна ить ў мауилу, тут закапывали, у них там аурода, и яны за ауроду не пашли, а мая дачка пашла, зять мой пашоу и другие сын зь невесткай папрашались, апустили, дочки не падышли, йоуу стали верить!

[С: Ой.]

И: Нарот теперь абманывають, абдуривають. А я увару: «Я дь- бяз года двяноста, я да сёдня ня чула, што ёсь боу йоуа, аткуль? Што? (ГСР, жен., 1927 г.р., Соржица).

Из приведенных нарративов явствует, что вера Свидетелей Иеговы оценивается как новая, вымышленная, привнесенная извне (американцами), а их обычаи оцениваются как идущие вразрез с христианскими ценностями.

Обобщая, можно сказать, что в сознании жителей бывшего еврейского местечка Бешенковичи еще жива память об этноконфессиональных соседях – евреях-иудеях, старообрядцах и представителях других конфессий. Однако в условиях утраты соседства с евреями память о них постепенно стирается, остаются лишь самые яркие моменты, в воспоминаниях рассказчиков переплетаются реальные бытовые детали и мифологические мотивы об инородцах (кровавый навет, мотив еврейского запаха). Память о соседях-старообрядцах также постепенно стирается, оставляя только устойчивые сюжеты, например о «поганой кружке». Образ иноверца определяется не столько констатацией профессиональных различий (в которых простой обыватель не разбирается), сколько внешними проявлениями обряда (в основном акцент ставится на похоронном обряде), а также

бытовым поведением. Чужой оказывается чужим на всех уровнях, начиная с веры и заканчивая человеческим общением, отношениями между людьми, языком, привычками, бытовыми проявлениями. В то же время этноконфессиональные соседи, живущие длительное время бок о бок, оказываются ближе друг другу, чем люди одного вероисповедания, разделенные географически, о чем свидетельствует пример с католичкой-переселенкой, для которой интеграция на новом месте оказывается практически невозможной. В заключение хотелось бы отметить, что в настоящей статье этноконфессиональная ситуация в Бешенковичах была рассмотрена в первом приближении, для более детального анализа необходимо дальнейшее исследование, планомерное и последовательное интервьюирование представителей всех основных конфессий, чтобы зафиксировать взгляд представителей различных конфессий друг на друга и на себя во всей полноте.

Литература и источники

- Белова 2005 – *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Белова 2015а – *Белова О.В.* Утраченное соседство: образ еврейского местечка в воспоминаниях не евреев // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Etnograficzne*. 2015. Т. 43. З. 4. С. 259–270.
- Белова 2015б – *Белова О.В.* Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей // *Лепель: память о еврейском местечке* / Отв. ред. С. Амосова. М., 2015. С. 92–114.
- Белова 2017 – *Белова О.В.* Быт и повседневность в рассказах жителей Глубокого // *Глубокое: память о еврейском местечке* / Отв. ред. И. Копченова. М., 2017. С. 177–220.
- Глубокое 2017 – *Глубокое: память о еврейском местечке* / Отв. ред. И. Копченова. М., 2017.
- Желудок 2013 – *Желудок: память о еврейском местечке* / Отв. ред. И. Копченова. М., 2013.
- Лепель 2016 – *Лепель: память о еврейском местечке* / Отв. ред. С. Амосова. М., 2016.

Maria Jasinskaia
(Moscow)

**The ethnic and confessional neighbor's image in the narratives
of the residents of shtetl Beshenkovichi**

The article deals with the narratives of Belarusian orthodox people on other confessions, which existed in Belarusian shtetl Beshenkovichi. In the analyzed stories, the image of neighbors is based on everyday observations of their habits, daily life, ceremonies and holidays, while the real observations are complemented by mythical stereotypes, characteristic for the image of "another". The article analyzes how representations of the Slavs, the Jews and the perception of Orthodox Belarusians neighbors-Catholic, old believers, Jehovah's Witnesses.